

УДК 94(47). 041

В.Д. Назаров¹

**Иван III, Софья Палеолог и князь Василий Холмский
(к истории политической борьбы в России
на рубеже XV–XVI веков)**

Династический кризис конца XV – начала XVI веков; Иван III как арбитр политической борьбы придворных «партий»; Софья Палеолог и Василий III; клан кн. Патрикеевых; кн. Д.Д. Холмский и его сыновья, Семен и Василий.

В работе предпринят системный анализ политического процесса в Российском государстве в 1490-е – 1500-е гг. в контексте комплекса внутренних и международных событий с уточнением персонального состава противостоящих группировок и их ориентации на того или иного претендента на статус соправителя-наследника Ивана III. Основанием служит получение новой, ненамеренной (попутной) информации из традиционных нарративных и документальных текстов. Это позволило во многом уточнить мотивы и формы борьбы придворных «партий», меняющийся статус Ивана III как модератора и арбитра, роль

¹ Назаров Владислав Дмитриевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), vnaz@zmail.ru.

Софьи Палеолог и старшего ее сына Василия, позиции кн. Холмских и клана кн. Патрикеевых.

В недавней нашей работе [19, с. 73-81] мы обратились к дискуссионным вопросам политической жизни русской элиты в 1497-1502 гг. (краткую характеристику новейшей историографии см.: [19, с. 73, 76-77]). Суммируем ее выводы. Только контекстный и системный анализ летописных известий и документальных текстов позволяет объективно оценить политическое влияние великой княгини Софьи Палеолог. В частности мы выделили цепочку важных событий с указанием не только точной даты, но и дня недели, а именно четверга – знакового, счастливого дня в ее московской жизни [19, с. 73-76]. Ниже мы несколько «удлиним» событийный ряд четвергов. Сейчас же скажем о второй составляющей такого анализа. Только максимально полный биографический контекст (и диахронный, и синхронный событиям названных пяти лет) позволит сравнительно объективно описать позиции, ориентации и мотивы противостоящих придворных «партий», роль самого великого князя как арбитра и решающей силы. В ряду «четвергов» свое немаловажное место занимает и свадьба дочери Ивана III и Софьи Феодосии и кн. Василием Даниловичем Холмским. Мы уже отчасти касались этого сюжета [19, с. 75, 78-79], но он требует более детального рассмотрения.

1. Ах, эта свадьба.

Информацию о ней находим в летописях и текстах разрядной документации. Сначала о первых. Остается дискуссионным вопрос о своде 1500 г. или его фрагменте о событиях за 1497-1500 гг. [14, ч. 200-2020]. На наш взгляд, речь должна идти о подготовительных материалах, своеобразном черновике нереализованного проекта, в котором, скорее всего, известие о свадьбе Феодосии и Холмского отсутствовало [28, с. 211]; впрочем, в данном фрагменте свода 1539 г. налицо механическая утрата части начала годовой статьи за 7008 г.; ср. также: [12, с. 279-280]. Нет ее и в некоторых иных памятниках, к примеру в Типографской летописи, которая в этой части была неофициальным продолжением ростовского вкладычного свода 1489 г. [25, с. 214]. Но официальные летописи первой половины XVI в. сообщают об этом факте. Архетипным является известие великокняжеского свода 1508 г.: «Того же месяца февраля 13 в четверток князь великий Иван Васильевич дал дочь свою Феодосию за князя Василья Даниловича Холмского, и венчал их митрополит Симон в церкви Пречистыя» [27, с. 173]. Несмотря на лапидарность, текст весьма показателен.

Венчание происходит в кафедральном храме Московской митрополии, венчает же вступающих в брак сам митрополит. Подобной информации не содержат тексты о свадьбах младших братьев Ивана III, кн. Андрея Большого и Бориса, хотя происходили они в Москве. Аналогична ситуация и с браком великого князя Ивана Ивановича, сына и соправителя Ивана III от первой жены. А ведь его невестой была Елена, дочь господаря Великого княжества Молдовы Стефана Великого. В январе 1506 г. Василий III «пожаловал» новокрещеного царевича Петра (Кудайкула, из династии казанских Чингисидов), женил его на своей родной сестре Евдокии. Но венчал их в Успенском соборе архимандрит Новоспасского монастыря Афанасий [27, с. 148-149, 162, 177].

Проведенное сравнение однозначно фиксирует высокий знаковый статус события в контексте семейной жизни Ивана III, а соответственно и политической истории общества. Впрочем, есть одна странность, требующая разъяснений: 13 февраля 1500 г. было не четвергом, а вторником. Пасха в этом году пришлась на 19 апреля и в точном соответствии с этим 12 апреля (в «неделю цветную») великий князь принял перешедшего к нему на службу кн. С.И. Бельского, а выступление из Москвы рати во главе с боярином Я.З. Кошкиным-Захарьиным имело место в воскресенье 3 мая [27, с. 173]. Не исключено, что перед нами простая ошибка. Но скорее более вероятно другое объяснение: свадебные торжества такого ранга продолжались 3 дня. Начавшись во вторник 13 февраля, они завершились в четверг 15 февраля. Использование же четверга как дня события в целом предполагает и знакомую роль Софьи в нем, и тот факт, что составители свода 1508 г. сохраняли эти ее предпочтения.

Знаковость свадьбы Холмского и Феодосии еще нагляднее фиксирует ее разряд. Его текст содержит только имена и фамилии (или отчества) участников торжеств с выделением думных чинов и очень кратким описанием функций отдельных лиц. При этом налицо большие расхождения в их численности в различных источниках. В официальной разрядной книге 1598 г. (а она восходит к аналогичному источнику 1556 г.) названо 29 чел. [29, с. 16-17], в частной редакции 1605 г. 9 чел. [30, с. 63], а в так называемых свадебных сборниках фигурируют более 160 чел. [7, с. 1-5; 31, с. 36-37]. К сожалению, системного анализа этих источников в литературе нет, отсутствуют и качественные публикации их текстов, издания же конца XVIII и середины XIX в. (при всем уважении к публикаторам) вряд ли могут претендовать на соответствие современным археографическим требованиям.

Тем не менее, приходится ими воспользоваться при обязательном последовательном сличении их текста² и проверке именованных по иным источникам. Стоит добавить, что М.Е. Бычкова в свое время дала первичную классификацию около 10 рукописей свадебных сборников с привлечением ряда подлинников свадебных разрядов XVI в. [6, с. 104-139, особенно с. 107-115].

Какова же структура разряда свадьбы 1500 г.? В источнике фигурируют 164 чел. Исключим двух великих княгинь (Софью и вдову великого князя Ивана Ивановича Молодого), трех жен высокопоставленных участников действия (тысяцкого и двух дружек), священника Успенского собора Афанасия и 15 чел. детей боярских (их имена не приведены), составлявших свиту конюшего кн. В.Д. Холмского. Всего остается 143 чел., распределенных по трем группам. В первую входят главные организаторы и модераторы действия: тысяцкий (боярин кн. Д.А. Пенко Ярославский), дружки (боярин кн. П.В. Нагой Оболенский и окольный И.В. Чобот), трое их помощников (братья из рода Осокиных-Травкиных) и еще три человека со специальными функциями, включая Г. Афанасьева, конюшего [8, с. 1-2; 31, с. 36]. Остальные участники поделены между свадебными свитами, «поездами» Софьи (56 чел.) и кн. В.Д. Холмского (78 чел.), причем «поездане» великой княгини делились на думно-приказную часть – два боярина (Д.М. и Ю.М. Траханиоты, а также Юшка Малой, сын старшего Траханиота; о нем см.: [20, с. 358]), двое окольных (Г.А. Мамон и Д. Иванов, двоюродные братья из родового клана от А.Ю. Нетши) и двое дьяков³.

Какой же уровень представительности двора, разных его структур, первостатейной и второстепенной знати, титулованной и нетитулованной, дворцово-приказной среды демонстрируют перечни участников свадебных церемоний? Коротко говоря, весьма и весьма впечатляющий. Четверо бояр, из которых как минимум двое (кн. Д.А. Пенко, сохранявший наряду с боярством положение служилого князя с индивидуальным статусом, и блестящий дипломат Ю. Траханиот) входили

² Вот почему никак нельзя согласиться с тем, как использует источник при определении состава двора Ивана III А.Л. Корзинин – он опирается только на публикацию 1790 г. Н.И. Новикова [13, с. 363]. Большие возражения вызывает сам принцип построения подобных приложений.

³ Отметим композиционные отличия изданий. У Н.И. Новикова после организаторов церемоний названы поездане кн. В.Д. Холмского, а затем свита Софьи, причем думцы открывают ее список, а дьяки заключают. У И.П. Сахарова первыми названы поездане Софьи, а дьяки названы в конце списка думных лиц.

в ближний круг при монархе.

Трое окольных, из которых особенно заметные в 1480-е-1490-е гг. Г. Мамон и Д. Иванов [7, с. 1, 3-4; 31, с. 37]. Не считая двух бояр-князей, титулованную знать представляли 45 чел.: 4 чел. из княжеского дома суздальских Рюриковичей (в т.ч. три брата, кн. В.В., Д.В., И.В. Шуйские), 9 чел. из числа кн. Оболенских (двое в свите Софьи), 5 кн. Ростовских (двое у Софьи), 12 чел. ярославских Рюриковичей (трое при Софье), 9 чел. из корпорации Стародубских Рюриковичей, 3 чел. из числа Гедиминовичей (три кн. Булгаковы), 2 чел. из Белозерских Рюриковичей (один в свите Софьи) и 1 чел. из рязанских Рюриковичей. Итак, представители 8 княжеских домов, причем в свите великой княгини было 8 чел. Рюриковичей из четырех родовых кланов.

Не менее выразителен состав нетитулованной знати. Представлены две ветви (фамилии) Протасьевичей (Воронцовы, Вельяминовы), потомки Акинфа Великого (Давыдовы-Федоровы, Чулковы, Слизневы) и Ивана Морхини (Товарковы), Андрея Кобылы (Синие, Колычевы, Беззубцевы, Шереметьевы), фамилии Морозовых, Сабуровых, Плещеевых, Всеволож-Заболоцких, Добрынских (Хабаровы, Гусевы). Представительна и дворцово-приказная страта (Беклемишевы, Моревы, Еропкины, Плотовы, Травины, Голохвастовы и др.).

Итак, и количественный состав участников свадьбы 1500 г., их генеалогический спектр и принадлежность к разным статусным позициям в государевом дворе убедительно свидетельствуют: Иван III был едва ли не главным инициатором события и оценивал он его очень высоко. Ряд деталей позволяет думать, что и Софья сыграла активную роль в подготовке свадьбы и в ее ходе: дьяки были только в ее свите (а на них возлагались организационные заботы), в ее санях должна была сидеть Елена Волошенка, что подразумевало ее подчиненный, сугубо демонстрационный статус. И еще одно. Авторы синхронной летописной записи, а вслед за ними составители свода 1508 г. переименовали вторник 13 февраля в четверг, любимый день Софьи Палеолог. Показательно, что свита великой княгини была старше поезжан кн. Холмского (по совокупности данных об их службах).

2. Главные герои, мотивы, планы, результаты.

О главной героине до 1500 г. можно сказать только одно – она родилась 28 мая 1475 г. А всего в ее жизни три зафиксированных факта: рождение (она была вторым по счету ребенком Ивана III и Софьи), свадьба и смерть 19 февраля 1501 г. Как ни странно, но и о женихе биографических данных не больше. В октябре 1495 – марте 1496 г. он вместе со старшим братом Семеном фигурирует в списке

походного двора Ивана III [29, с. 25]. В разделе «князья и дети боярские с великим князем» они записаны на четвертой и пятой позициях. По косвенным данным думаем, что родился кн. Василий ок. 1472-1475 гг., что одним из результатов его пребывания в Новгороде в свите монарха стало получение им обширных поместий в Бежецкой и Деревской пятинах из конфискованных вотчин заметных новгородских бояр (частью вместе с братом). Конечно, те или иные военные службы в конце 1480-х-1490-х гг. он исполнял, но их уровень был таковым, что они не отразились в разрядах и иной документации. В отличие от него кн. Семен уже получал воеводские назначения в 1496 и 1497 гг. В последнем случае он во главе небольшой рати возвел на ханский трон в Казани царевича Абдул-Латифа [29, с. 28 с неточной годовой датой; 25, с. 243; 27, с. 170-171; 33, с. 239]. Другие его службы неизвестны, так что к 1500 г. его явно бы было в живых. Несколькими годами ранее, скорее всего ок. 1494-1495 гг. умер их отец кн. Д.Д. Холмский (см. ниже). Итак, вступивший в пору ранней зрелости тверской Рюрикович, единственный мужчина в семье (были живы его мать и вдова брата), аристократ, не обремененный думским чином и сколь-нибудь заметным опытом военных назначений, в одночасье оказывается мужем дочери великого князя. Случай совершенно уникальный. В XIV–XV веках московские княжны выдавались замуж за владетельных князей Северо-Восточной Руси, а также за зарубежных князей и будущих императоров. Но за своих бояр, а тем более за сыновей бояр (кн. Д.Д. Холмский стал боярином Ивана III не позднее октября 1479 г.) московские монархи своих дочерей не отдавали⁴.

Беспрецедентность возвышения кн. Василия Даниловича в литературе фактически не объяснена. А.А. Зимин в одной работе констатировал: «некоторых из влиятельных княжат венчали на великих княжнах», ссылаясь на брак в феврале 1500 г. [9, с. 245]. В другом исследовании он видит в кн. Василии «крупную политическую фигуру» (видимо, и до февраля 1500 г., хотя в контексте речь идет о 1505 г.), его брак он оценивает как «знак величайшего доверия к нему» со стороны Ивана III. При этом автор включает кн. В.Д. Холм-

⁴ Очень отдаленные параллели со свадьбой 1500 г. таковы. Кн. Ф.М. Мстиславского, эмигранта Гедиминовича, выехавшего на службу в Россию летом 1526 г., Василий III женил на своей племяннице, дочери царевича Петра и Евдокии, родной сестры московского государя. На второй их дочери, также Анастасии, 6 июня 1538 г. женился фактический правитель, кн. В.В. Шуйский. Кн. Холмский не был выезжим Гедиминовичем и тем более фактическим правителем.

ского в аристократические круги, «ориентировавшиеся в свое время» на Дмитрия-внука. К этим слоям он причисляет и кн. Д.В. Патрикеева Щеню [10, с. 112, 286, 288; о кн. Д.В. Щене см.: 10, с. 32-33; 18, с. 454-455]. Речь идет о переменах в Боярской думе в 1505 г. Аргументация не удивляет развернутостью: кн. Василий «происходил из среды тверских княжат, кн. Д.В. Щеня – из Гедиминовичей». Вряд ли такие доказательства могут считаться достаточными.

Если предположить наличие у кн. Василия покровителей, то следует говорить о двух боярах. Первый – А.Ф. Челядин, дочь которого Мария была замужем за кн. С.Д. Холмским. Боярин не позднее 1490 г., он был авторитетной фигурой, но, по нашему мнению, вряд ли входил в ближайшее окружение Ивана III. К тому же с 1498 г. и по лето 1500 г. он был наместником в Новгороде [10, с. 172; 24, с. 148]. Второй – кн. Данило Александрович Пенко, тысяцкий на свадьбе кн. Василия. Василиса, вдова кн. Д.Д. Холмского (она была дочерью И.И. Заболоцкого и внучкой знаменитого боярина 1420-х – 1430-х годов И.Д. Всеволож Заболоцкого) в своем завещании 1511 г. называет сыновей кн. Д.А. Пенко, Василия и Ивана, «моими внучатами». Характер родственных отношений остается неясным, но крепость связей двух семей подтверждает соседство в синодике Московского Успенского собора имен иноки Варсонофии кн. Д.Д. Холмского, в миру Василисы и иноки Марфы кн. Д.А. Ярославского в миру Марии [1, № 78, с. 84-85, 311-312]. Сомневаемся, однако, в реальных возможностях кн. Данила Александровича реализовать подобную протекцию. Решение такого уровня принимал исключительно Иван III.

Можно предположить, что он руководствовался как минимум двумя мотивами. Первый был связан со своеобразием положения кн. Д.Д. Холмского после выезда на службу в Москву в середине 1460-х гг. Это был именно выезд с утратой родовых вотчин и прав на них в Холмском уделе великого Тверского княжения. Последующие события ничего не изменили в этом плане. Ни присоединение Твери в 1485 г. и опала его старшего брата, кн. М.Д. Холмского (а это предполагало конфискацию его владений), ни годы правления в Твери великого князя Ивана Ивановича Молодого, ни последовательное описание тверских территорий «в московские сохи» в начале 1490-х не привели к восстановлению родовых вотчин у кн. Данилы и его сыновей. Тверским писцовым материалам первой половины XVI в. кн. Холмские неизвестны. Не было у кн. Д.Д. Холмского и служебно-статусных отношений ни с тверской Думой (ее состав осенью 1495 г. см.: [29, с. 26]), ни с «тверской силой».

Его родственные связи в московские годы его биографии (строго говоря, у него другой по сохранившимся источникам нет) ограничены старомосковскими боярскими фамилиями (Челядины, Заболоцкие, Ховрины; дочь кн. Данилы была замужем за И.В. Ховриным Третьяком). Возможное исключение – кн. Д.А. Пенко, который и сам отличался своеобразием: он был служилым князем с индивидуальным статусом (как единственный наследник последнего стольного Ярославского князя – см.: [16]) и боярином Ивана III. Тот же по составу, но более объемный, круг связей кн. Данилы фиксируют его поземельные акты [см., к примеру, 2, № 492, с. 532; 4, № 81, с. 163-165; № 227, с. 227 и др.]. Одним из поручителей по нему в дни недолгой опалы был И.Н. Воронцов, а свидетелями в поруке В.И. Замыцкий, И.К. Судимонт, И. Зиновьев [3, № 19, с. 35-36].

При этом кн. Д.Д. Холмский был блестящим военачальником, на протяжении 1468 – начала 1490-х гг. сыгравший решающую роль в масштабных победных кампаниях 1471 г., 1480 г., 1487 г. Боярство кн. Холмский получил не позднее осени 1479 г. и с этого времени он входил в ближний круг советников Ивана III. В конце 1492 – начале 1493 г. он был вторым после кн. И.Ю. Патрикеева в группе наиболее влиятельных и опытных воевод при Иване III наряду с кн. А.В. Оболенским и кн. С.И. Ряполовским [5, с. 52, 102-103, 113-117, 182-183 и др. с пропусками и неточностями; 10, с. 112 с неточностями; 23, с. 130-131; 29, с. 24].

Итак, перед нами тверской Рюрикович, не сохранивший никаких корней и связей ни с сородичами, ни с Тверской землей; не обросший поземельными, родственными и корпоративными связями с иными княжескими домами; не получивший от великого князя земель «в вотчину и в удел», и обязанный успехами своим трудам и талантам, а возможностью их реализовать и статусом исключительно московскому государю. Полагаем, что эти особенности биографии и статуса кн. Д.Д. Холмского Иван III так или иначе проецировал на единственного его живого сына.

Второй и, пожалуй, основной мотив Ивана III в «свадебном проекте» его дочерью с кн. Холмским – кризис политической системы и дисбаланс в окружении московского государя, в его думе. Наличие кризиса власти наглядно демонстрировала сохраняющаяся неопределенность с наследником: после марта 1499 г. в стране было два великих князя-соправителя при действующем монархе. Это противоречило нормам института соправительства, складывавшимся в Московском княжестве с конца XIV в. Дисбаланс разных фракций в окружении

великого князя отчетливо проявился в опале на старшего сына Софьи и Ивана III кн. Василия, саму Софью, в жестокой казни их сторонников в конце 1497 г. Но особенно наглядным дисбаланс стал в результате падения группы кн. Патрикеевых в конце 1498 – начале 1499 г. Кн. Иван Юрьевич, его сын кн. Василий «по печалованию» митрополита и владык не были казнены, их постригли и отправили «в железах» в Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри. Казни подвергся 5 февраля кн. С.И. Ряполовский, зять кн. Ивана. Характерно, что именно после этой опалы были прощены последовательно Софья, и затем и кн. Василий [27, с. 172; 12, с. 279; 19, с. 75, 79-81; 17, с. 455; 10, с. 31-32 с неточностями].

Одномоментно состав Боярской думы уменьшился на трех человек или примерно на 25 %. Но еще существеннее другое: кн. Иван Юрьевич был формальным и неформальным главой думы, его стаж великокняжеского наместника в Москве приближался к 30 годам, вообще в повседневности управления внутри страны и на международной арене он был в 1470-е – 1490-е годы вторым или третьим (при соправительстве с отцом кн. Ивана Ивановича Молодого) лицом в государстве. И еще. Гедиминович по происхождению, он по матери приходился близким родственником и Василию II, и Ивану III, он не был связан (как и его отец) поземельными или корпоративными связями с кланами Рюриковичей (брак его дочери имеет иное объяснение), это самостоятельная и притом мощная политическая фигура с огромным административным и военным опытом под сенью родственной близости к московским правителям.

Резюмируем. Иван III, по-видимому, имел намерение с помощью брачного проекта найти в лице нового родственника, кн. Василия Даниловича Холмского, своеобразную замену кн. И.Ю. Патрикееву и в своем ближнем круге, и в Думе. Конечно, с учетом разницы в возрасте (ок. 50 лет) и особенно в политическом и военном опыте, подобная смена никак не могла быть одномоментной. Указание на четверг как на дату свадьбы (причем неточное), сигнализируют нам, что планы Ивана III не вызвали противодействия со стороны Софьи (а значит и кн. Василия), ее отношение к проекту было, скорее всего, позитивным.

В литературе нет единой точки зрения на время получения боярства кн. В.Д. Холмским. Не входя в детальную дискуссию, отметим два обстоятельства. В источниках 1500-1508 гг. нет даже намека на то, что кн. Василий обладал статусом удельного князя или близкого к нему положения. Чиновная структура элиты не знала также статуса

«зятя великого князя». Нельзя полагать, что реальный зять государя на протяжении как минимум двух лет (а по Зимину и четырех: [10, с. 288, 290]) в практиках и в документации фиксировался в перечне «князья и дети боярские». Это было бы оскорблением особы монарха. Вот почему следует считать верной датировку в Шереметьевском списке думных чинов получения Холмским боярства 7008 годом.

Насколько намерения Ивана III были реализованы? Информация о назначениях и службах кн. В.Д. Холмского 1502-1508 гг. объемна, но в ней мы не найдем однозначного ответа. Прежде всего, нет никаких сведений за 1500-1501 гг. Для нас остается неясным, почему это так. Последующие годы четко делятся на два периода: 1502-1504 и 1505-1508. Приглядимся к его службам. Уже первое воеводское назначение оказалось не только военной службой. Во главе похода на Смоленск летом-осенью 1502 г. Иван III поставил третьего сына от Софьи кн. Дмитрия Жилку. С ним были московские и рязанские удельные князья, служилые князья с индивидуальным статусом с уже московской Северы. Но реально пятью полками командовали великокняжеские воеводы, первым их которых (в Большом полку) назван кн. В.Д. Холмского [29, с. 34]. Показательно, что вслед за ним фигурирует Я.З. Кошкин-Захарьин (боярин с 1479 г., военный стаж более 30 лет), что воеводствовали в менее значимых полках кн. И.М. Репня Оболенский, кн. Ф.В. Телепень Оболенский, кн. М.Ф. Карамыш Курбский, поезжане в свите кн. Василия в феврале 1500 г. [29, с. 34; 7, с. 2; 31, с. 37; 10, с. 183-184]. Главная цель операции не была выполнена, Смоленск не была взят, зато по приказу из Москвы была предпринята дипломатическая акция.

В документе от 27 августа предлагалось отправить грамоту радным панам Великого княжества Литовского (текст ее прилагался) от имени «боярина кн. Василия Даниловича, воеводы московского, боярина кн. Данилы Васильевича [Щени. – *В.Н.*] воеводы новгородского, Якова Захарьича воеводы коломенского» [32, с. 335-357] (кн. Д.В. Щеня действительно был новгородским наместником: [22, с. 148]; его воеводства в 1602 г.: [29, с. 32]). Сюжет имел продолжение, но пока обратим внимание на два обстоятельства. В апреле завершился династический кризис: 11 апреля были арестованы Дмитрий-внук и его мать. 14 апреля, в любимый Софьей Палеолог четверг Иван III венчал сына Василия «великим князем Владимирским и Московским самодержцем всея Руси» [27, с. 175; 19, с. 77-78]. Не исключено, что перед нами случайное совпадение двух событий одним годом. Но также возможно, что победа «партии» Софьи и Василия пробудила кн.

Холмского от служебной «спячки» в 1500-1501 г. Но вот другой факт не случаен: рать во главе с князем Дмитрием выступила из Москвы в четверг 14 июля 1502 г.

Ответные послания из Литвы поступали в Москву с гонцами в самом конце 1502 – начале 1503 г. Новые гонцы из Польши и Литвы появились в столице России в конце января 1503 г., а в марте начались переговоры с послами. Именование кн. Холмского как в русской, так и в польской и литовской документации идентично: «боярин и наместник Московский», «боярин и воевода Московский». Великокняжеский дьяк расспрашивает гонцов от имени кн. Василия, а тот (по распоряжению Ивана III) приказывает гонцам быть «у себя на подворье». Прибывшие на переговоры литовские и польские послы обращаются к кн. Холмскому и боярам с просьбой о свидании, на котором передают грамоту на имя кн. Василия и других бояр с информацией об избрании литовского великого князя Александра, зятя Ивана III, польским королем. В марте 1504 г. Василий Данилович устроил в своей резиденции прием литовским послам накануне их отъезда [32, с. 339-340, 360, 362-363, 381-382, 463]. Кн. Холмский не возглавлял ответных боярских комиссий на переговорах, его статус первого боярина в Думе, наместника и воеводы Московского был иерархически выше. Его положение в эти годы в политической элите Русского государства хорошо сопоставимо (на основе дипломатических дел в обоих случаях) со статусом кн. И.Ю. Патрикеева в первой половине 1490-х гг. по основным параметрам. И тогда, и в 1502-1504 гг. речь идет о первых боярах в Думе, входивших в круг ближайших советников Ивана III, лицах, занимавших самые высокостатусные посты в системе управления. Эти наблюдения подтверждаются и другими данными.

В декабре 1503 г. при написании завещания Ивана III (датировка по С.М. Каштанову: [11, с. 198-202]) присутствовали четыре светских лица. Первым из них назван боярин кн. В.Д. Холмский, вторым – боярин кн. Д.В. Щеня, третьим – боярин Я.З. Кошкин-Захарьин, последним – казначей Д.В. Ховрин (сводку сведений о нем см.: [10, с. 272 с неточностями; 21, с. 111]). Высокая значимость этой службы понятна. Завещания великих князей были своеобразной конституцией для одного-двух поколений их наследников и, соответственно, для населения страны [8, с. 364]. Второй факт связан с местническим конфликтом между П.М. Плещеевым и П.Г. Заболоцким, который судил Иван III. Выданная Плещееву после процесса правая грамота от 3 июня 1504 г. зафиксировала присутствовавших на великокняжеском суде бояр кн.

В.Д. Холмского (он назван первым) и Я.З. Кошкина-Захарьина [28, с. 86].

Существенно иным было положение кн. Василия, начиная с 1505 г. Сфера его занятий – почти исключительно военная служба. Правда, практически во всех случаях он получал назначения в пяти-полковых войсках и исключительно первым воеводой Большого полка. Он участвовал в русско-казанской войне 1505-1507 гг.; в 1507 г. возглавлял поход к Мстиславию, осенью 1508 г. его войска взяли Дорогобуж. Впрочем, каких-либо успехов, решавших судьбу кампании в целом, как будто не было [29, с. 36-39, 42; 30, с. 87-88, 90-91, 93, 106, 108, 109-111; 22, с. 130]. Ему не были чужды и судебно-административные занятия: в апреле 1508 г. он присутствовал при докладе Василию III громкого поземельного конфликта между кн. Кемскими (из белозерских Рюриковичей). И как всегда он назван первым из трех бояр [3, № 475, с. 457-460].

Вскоре по возвращении из похода в Дорогобуж он попал в опалу и был арестован (видимо, между 8 и 26 ноября). Позднее его отправили в заключение на Белоозеро, где он и умер в 1510 г., а в январе 1511 г. кн. Василиса Холмская дала большой поминальный вклад вотчинами по мужу и двум сыновьям [1, с. 84-85]. Причины репрессий остаются неясными, хотя, скорее всего, они были связаны с придворной борьбой. Нельзя исключать, что были какие-то его воеводские промашки осенью 1508 г. Помимо всего прочего происходил естественный во все времена процесс: смена на троне влекла за собой кадровые перемены в верхушке правящей элиты. Кн. Василий Данилович был слишком заметной фигурой в 1502-1504 гг. И последнее. Падение кн. В.Д. Холмского не повлекло за собой опалы на всех Холмских. В первой половине XVI в. были известны сыновья и внук кн. М.Д. Холмского (попавшего в опалу в 1485 г.), а также сын и внук кн. И.Д. Холмского. Они получали именные разрядные назначения, однако их карьерные успехи на два порядка ниже князей Данилы Дмитриевича и Василия Даниловича.

Итак, предположенные нами планы Ивана III в отношении В.Д. Холмского в контексте его брака в феврале 1500 г. с великой княжной были реализованы. Но только на короткое время в те последние годы его долгого правления, когда физическое состояние позволяло ему править. И.Ю. Патрикеева и В.Д. Холмского сближают, на наш взгляд, не только общие черты в годы их могущества – долгие у Патрикеева и краткие, менее выразительные у Холмского, – но и схожие причины их падения. Видимо, уходило время таких политических

фигур.

3. А четверги продолжались.

В предшествующей работе мы собрали сведения о семи четвергах, связанные с событиями в жизни Софье Палеолог и Ивана III, их семьи с 1472 по апрель 1502 г. [19, с. 73-78]. Как оказалось, мы пропустили еще один четверг в 1480 г., а кроме того есть возможность пополнить перечень за 1502-1505 гг.

Первое добавление связано с рождением второго сына у Софьи – Георгия (Юрия) 23 марта 1480 г. [27, с. 161 с ошибочной датой 24 марта, но с правильным днем недели; верную дату находим в продолжении великокняжеского свода 1479 г.]. Это событие независимо от желаний и планов Софьи Палеолог. Но стоит восхититься заданностью ее женской природы: и первенца, и второго сына она производила на свет именно в четверг.

Теперь о пяти пополнениях. Первый случай – великокняжеский выезд из Кремля в с. Воронцово (сейчас это центр Москвы) «жыти». Въезд в ближнюю подмосковную резиденцию состоялся 9 июня «в четверток» 1502 г. Напомним, что в четверг 14 апреля старший сын Василий был венчан отцом на великие княжения и «самодержем всеа Руси», династический кризис завершился. К тому же в Кремле разворачивалось масштабное строительство. Так что у Софьи были и политические, и бытовые мотивы для того, чтобы настоять именно на четверге как дне въезда. Воронцовское село, «где мой двор» упоминается в завещании Ивана III, он отдает его своему сыну Василию [27, с. 175; 8, с. 354]. Месяц спустя, 14 июля в «четверток» великий князь «отпустил» войска во главе с сыном Дмитрием в поход на Смоленск [27, с. 175]. Допустимо думать, что великая княгиня повлияла на принятие мужем решения о дне выступления войска. Но более вероятна мысль о том, что связь четверга с успехом в самых различных делах и начинаниях закреплялась в качестве семейной традиции. А сложилась она благодаря энергичному воздействию Софьи.

Самые наглядные примеры относятся к 1503 и 1505 гг. 21 сентября 1503 г. «в четверток» Иван III «с детьми» (персонально назван только Василий) отправился в объезд по маршруту: Троица, Переяславль, Ростов, Ярославль. Поездка была длительной, в столицу семья вернулась 9 ноября и, конечно, в четверг. А теперь вспомним, что великая княгиня скончалась еще 17 апреля 1503 г. Похоже на то, что конкретные решения такого уровня принимал уже великий князь и соправитель Василий Иванович, усвоив предпочтения и привычки матери [27, с. 176].

Наиболее выразительный в этом плане пример – свадьба самого Василия Ивановича. Его брак с Соломонией Сабуровой состоялся «в четверток» 4 сентября 1505 г. Венчал митрополит Симон «в великом зборном [соборном. – *В.Н.*] храме, в преименитом и преславном граде Москве». Понятно, что согласно трафарету первая роль в летописи отведена Ивану III: он «женит» своего сына, он «берет за него» дочь Ю.К. Сабурова [27, с. 176-177]. Почему торжества состоялись именно тогда? Здесь вероятны разные мотивы. 4 сентября было четвергом и это соответствовало дню брака родителей жениха в 1472 г. (четверг 12 сентября), а значит и семейной традиции, выпестованной Софьей. Да и начало нового (7014) года почиталось тогда благоприятным временем для бракосочетания. Торопили практические, а в монаршей жизни они же политические, обстоятельства. Прежде всего – здоровье Ивана III и весь клубок острых и привычных, внутренних и международных проблем в связи с близившемся его уходом из жизни.

Иван III скончался 27 октября в ночь на вторник. Больше специально выбранных четвергов в связи с какими-то знаковыми событиями разного уровня в жизни Василия III как будто не было.

Резюмируя, снова подчеркнем, что эвристический смысл этой и предшествующей работы заключается в попытке извлечь и закрепить ненамеренную (попутную) информацию в нарративах и документальных текстах. А на этой основе более объективно анализировать политическую культуру на Руси XV-XVI веков в ее разнообразных смыслах и практиках.

1. Акты Русского государства. 1505-1526. М., 1976.
2. АСЭИ. М., 1958. Т. II.
3. АСЭИ. М., 1964. Т. III.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951. Ч. 1.
5. *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
6. *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.
7. ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. XIII.
8. ДДГ. М.; Л., 1950.
9. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
10. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
11. *Кашианов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967.
12. *Клосс Б.М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М., 1976.
13. *Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период. 1550-1565. СПб., 2016.
14. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. Париж; СПб., 1994.

15. *Назаров В.Д.* Князья Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства // Государев двор в истории России XV–XVI столетий. Владимир, 2006.
16. *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского Государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
17. *Назаров В.Д.* Патрикеев И.Ю. // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25.
18. *Назаров В.Д.* Патрикеев Д.В. Щеня // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25.
19. *Назаров В.Д.* Софья Палеолог, князь Василий и князья Патрикеевы (замечки о политической борьбе в России в конце XV – начале XVI в.). // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2013. Вып. 10.
20. *Назаров В.Д.* Траханиот Ю.Д. // Большая Российская энциклопедия. М., 2016. Т. 32.
21. *Назаров В.Д.* Ховрин В.Д. Овца // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 34.
22. *Назаров В.Д.* Холмский В.Д. // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 34.
23. *Назаров В.Д.* Холмский Д.Д. // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 34.
24. *Паикова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в. М., 2000.
25. ПСРЛ. М., 2000. Т. 24.
26. ПСРЛ. М., 2006. Т. 26.
27. ПСРЛ. М., 1994. Т. 39.
28. ПСРЛ. М., 2004. Т. 43.
29. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.
30. Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.
31. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II. Кн. VI.
32. Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 35.
33. Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41.
34. *Штыков Н.В.* Князья Холмские в политической системе Тверской земли в XV – XVI в. // Древняя Русь. 2011. № 3 (45).
35. *Штыков Н.В.* Холмское княжество // Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 84.